

ОБНАЖЕННЫЙ ДУХ

проживает свою жизнь в спектакле Вильнюсского театра хореографии и пластики

ЭРОТИКИ, по сути, мы еще не видели — красивого, достойного человека зрелища, оправдывающего певучее имя великого бога Эроса. Есть либо стыдливо-неумелое, торопливое растегивание кофточек, либо жестокое, с банькой по-черному, скопище голых тел.

... «Ну вот, наша нравственность потерпела еще одно поражение в боях с порнографией», — оценил афишу театра хореографии и пластики «Эрос» из Вильнюса, приглашающую на эротический балет — пантомиму по мотивам творчества великого нидерландского живописца И. Босха, случайный прохожий, плюнув, добавил: «К медведям, всех, на Колыму». Те же, о которых пел Высоцкий — «был в балете, мужики девок лапают», тут же устремились глядеть на голых девушек. Могу засвидетельствовать: они разочаровались. Нет, девушки там, действительно, все как на подбор. И все-таки любители обнаженной натуры с представления ушли... Другие же, а среди них был и я, поспешили навстречу подарку судьбы — новому нетрадиционному театру. И восхитились.

Боже, как давно я не видел красивых людей — красиво двигающихся, умеющих красиво... дышать, танцевать, в совершенстве владеющих своим телом, точно и лаконично передающих аудитории свое душевное состояние и мысли. Вы когда-нибудь присутствовали на спектакле, перед которым зрители специально просят не напрягать мозговые извилины, не копаться в собственных идеях и не пытаться ничего разгадывать? Но и предупреждают, что поскалить зубы тоже не удастся — спектакль сложный, но нет нужды его анализировать, как и искать драматургию, сюжетную линию? Я видел это только в «Эросе». Мы вообще привыкли ко всему фабульному и воспринимаем большей частью сюжеты: «Ну, а он? А она? Так и говорит? Так они поженились или нет?» Чем меньше мы развиты художественно, тем сильнее на нас действуют прямые слова и оценки, тем слабее — сцены. Этот спектакль — ассоциативный, спектакль ощущений, восприятия, жизни духа. Вся его эстетика, форма сами по себе являются содержанием. Одним словом, перед нами — мир желаний, где ничего не надо расшифровывать, потому что ничего не зашифровано.

Стул с рождения стул, щенок уже чем-то похож на взрослую собаку, и только человек рождается абсолютно не «оформленным». Он всего лишь сгусток энергии и, попадая в разную среду, принимает качества этой среды. Кто-то безликий, с непроницаемой для него самой маской пытается на сцене встать, ищет себя. Но ему — мешают — он сам себе и это «нечто» (среда, инстинкты, комплексы?) беснующееся вокруг, засасывающее, пинающее ногами и ставящее подножки. Человек не может выпрямиться, его втягивают в круговорот неведомой игры, агрессии, издевательств, и всепобеждающего экстаза. Пугающе-непонятное «нечто» сладко манит и притягивает человека, но даже оно не в силах окончательно подчинить его...

...Они уходят, — в малюсенькую клетку и, обнявшись, успокаиваются. Льется щемящая сердце музыка (ее автор — молодой литовский композитор А. Ясенка) счастья нигде не найти, оно здесь — между Им и Ею. В клетке? Да, и все равно — большой или маленькой, если весь мир — клетка. Но «оно» (Босх, сверхмир) не уходит, оно остается на сцене и царит — и в нем, и в ней.

— Мне запомнился поражающий по

своей глубине символ. Человек находится в рамках куба, но куб открытый, без стекол, можно выйти, а человек не хочет. Он передвигается внутри этих рамок, тащит их за собой, на себе, как угодно — но с ними. Что это — наше общество, все мы, не желающие отрешиться от груза прошлого, от собственных стереотипов? — спрашиваю у режиссера театра Юрия Борисовича Попова.

— Это определенная философия. Отнимите у вас этот груз прошлого, все те грешные поступки, что вы совершили, и вы потеряете свою индивидуальность. Эти рамки и есть «я». Все то, что натворил в ужасе, от чего хотел бы отказаться, я должен осознать и взвалить себе на плечи. Знаете, почему японцы белят лицо? В отличие от цыган, гадающих по руке, восточные люди могут прочесть ваше прошлое по лицу, поэтому надо припудриться. Практически, если в первом акте главный персонаж оформлялся и через храм приобрел этот мир, то во втором акте он обнаруживает свое отражение во всем. Кто я такой? Человек, говорящий лишь цитатами и фразами из великих; я — то, что рассказала мне мама; я — лишь составляющее нескольких природных инстинктов? Главное — задавать вопросы, тут не может быть объяснения. Серое ли я существо, бегущее незнамо куда, тварь — или Бог? Пока человек задает вопросы — он жив, как только ответил себе: «Вот это — я», все — пригвоздил, вешай табличку и пиши дату смерти.

— Запоздалый вопрос — а почему именно Босх привлек ваше внимание?

— Это момент творчества, мы не придумывали идею и не вгоняли спектакль в схему. Мы работали и вышел именно этот спектакль, именно Босх. Он же — Дали, а сведущие люди найдут здесь и Юнга, и индийскую философию. Вся наша нынешняя жизнь — сочетание совершенно невероятных и абсурдных форм.

...Босх в жизни. Если взглянуть поглубже — он ведь рисовал на темы библейских сюжетов, а выходили жуткие мутанты и зловещие аллегории. Мы строили библейское светлое будущее, а что произвели на свет?

— Досталось на вашу долю шишек в связи с известным президентским указом о нравственности?

— Я полностью поддерживаю сей указ и первым делом запретил бы показывать заседания Верховных Советов. Такого бесстыдства, такого обнажения советский народ еще не видел. Стыдно, когда танки по улицам ездят, но этого мы не замечаем.

Я увлекся разговором и под конец с ужасом обнаружил, что ничего не знаю о своем собеседнике и его театре. Пришлось задать несколько базисных вопросов о «творческой биографии», и Юрий Борисович терпеливо ответил на них:

— Закончил Щукинское училище, мог спокойно, сидя на печи делать две детские сказочки в год и безбедно существовать. Но я создал свой театр. Сейчас мы на грани полного провала. Меценатов нет. Трудность в том, что наш театр — театр одного спектакля, новое для Союза явление. Работаем по контракту, по принципу бродвейских шоу. Артисты из разных трупп, из Вильнюса и Ростова знакомятся только на гастролях. Пашем практически бесплатно, хотя нет худа без добра. Жизнь заставляет быть талантливыми и вертеться, выжимает все соки. За свободу нужно платить. В Минск нас никто не приглашал, приехали на свой страх и риск. Правда, у нас здесь есть знакомые — минский театр «Туннель», ребята из театра-студии «Арт».

...«Эрос» уехал, а любовь к нему осталась. Впереди у театра обширные гастроли — Одесса, Крым. Дай Бог ему успехов, а мы, благодарные зрители, ждем его возвращения.

Александр ДОРОШКО.

